

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 20 декабря 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 20 de diciembre de 1986 No. 1899

МЫСЛИ ВСЛУХ

КРИТИКА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В "Мыслях вслух" в № 1896, от 29 ноября с. г., была приведена выдержка из английского политическо-футурологического романа "Да, министр", в которой авторы подвергают саркастической критике так называемый "отбор" кандидатов в члены парламента, из которых, затем, комплектуются и члены правительства.

В основном, эту критику можно свести к двум пунктам:

1. "Члены парламента не выбраны "народом", они выбраны членами своей партии в своем избирательном округе, то есть 35-ю мужчинами... или 35-ю женщинами..."

2. "Всего имеется 630 членов парламента, и партия, которая набирает 300, образует правительство", состоящее из "100 должностей". Другими словами, никто не может попасть в правительство, если он не вышел из партийного комитета.

Для того, чтобы эту критику можно было подвергнуть серьезному анализу, необходимо предварительно установить, чем схожа и чем отличается критикуемая система от других современных политических систем. Главное сходство заключается в партийности: все современные политические системы — за редчайшим исключением — основываются на политической монополии партий для отбора кандидатов на государственные должности. Даже тоталитарные системы тоже партийны, но вместо нескольких (или многих) партий, они совершают этот процесс отбора в рамках только лишь одной единственной партии. (Конечно, тоталитарные режимы обладают и другими отличительными признаками, но это другая тема.) Специфические отличия английской системы для отбора кандидатов на государственные должности в основном две: партия "отбирает" кандидатов только по "избирательным округам", и, кроме того, только из членов парламента набираются члены правительства. Эти два отличия встречаются и в некоторых других странах, но, в большинстве случаев, порознь.

Например, Израиль унаследовал от Англии, наряду с другими политическими и юридическими традициями, также и парламентарный строй, при котором члены правительства набираются из членов парламента, но не унаследовал партийного отбора по "избирательным округам", так как партии выдвигают общие списки кандидатов.

Между прочим, такое "прикрепление" выбора кандидатов к соответствующим "избирательным округам" является своего рода пережитком до-партийной избирательной системы, которую по русской терминологии можно назвать "земской", то есть территориальной.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Ширящаяся ложь

Из уст нахлынувшей сейчас новейшей эмиграции (впрочем, не из уст рядовых людей, а из уст тех, кто претендует так или иначе на лидерство) мы вновь и вновь, все чаще и чаще, слышим ту же самую историю: я ничего не знал, я во все верил, я не видел никаких недостатков советской власти. Так утверждает Р. Орлова, беспринципная, дрянная карьеристка; то же твердит В. Некрасов, подававший некогда надежды, но долга исписавшийся писатель; с их голоса поэт не лишенный дарования поэт Л. Друскин. Да и много бы имен можно еще назвать.

Зачем люди врут?!

Словно бы коллективизация и раскулачивание проводились не по всей стране Советов, а, скажем, в нескольких удаленных от центра областях, в Осетии там или в Мордовии? Словно бы в концлагерях сидели не миллионы, а считанные десятки людей! Словно бы чистки коснулись не верхов интеллигенции, включая крупнейших партийцев, самых известных ученых, писателей и артистов, — а лишь провинциальных бухгалтеров и аптекарей!

Как же бы это можно было не знать?! Когда почти в каждой интеллигентной семье кто-нибудь да пострадал, а если уж не родные, то наверняка друзья или близкие знакомые! Как школьники могли не знать, что у их товарищей по классу арестованы родители, не соображать причины, когда исчезли преподаватели? А студенты тем паче: ссылались и ликвидировались их профессора, да порою им же полагалось тех клеймить как врагов народа!

Пойди-ка не заметь! Нет уж, поистине:

Укажи мне такую обитель.
Я такого угла не видал.

куда бы вести про ежовщину не дошли, где бы она весьма ощутимо себя не проявляла и не почувствовалась...

Неграмотные доярки и уборщицы, темные грузчики и чернорабочие, из более молодых? Тех бы, казалось бы, легче было одурить. А нет! У каждого и у каждой находилась тетка Марья или дед Егор, который им рассказывал все по правде. Да и как раз: они-то, простые люди, стояли ближе к жизни с ее трудностями, — и отдавали себе отлично отчет в том, что народу вовсе не за что было благодарить советский строй.

Ну, пока шла гражданская война; ну, самые первые годы после нее... А там уж, бесспорно, племя энтузиастов повыкорчевывали. Все знали все. Говорили деревянным языком, а больше помалкивали, — потому что, что же было делать? Вот вы бы и сказали, теперь-то, правду. Притом ведь вы-то, господа, люди отнюдь не "темные и безлошадные", как один персонаж В. Катаева выражался: вы были в курсе всего.

Вам хотелось жить, — и жить получше. Борьба с большевизмом означало страшную (да и бесполезную) гибель. Молчать, пригнуться и терпеть, как вся народная масса, и стараться не совершать подлостей? Тогда был некоторый шанс выжить, но выдвинуться надежды не было.

А вам, господа (или скорее товарищи?) да какие вы мне товарищи... хотелось именно успеха, славы благосостояния. Что же, по человечеству оно и понятно...

Тем, кто пишет, хотелось публиковаться. Как ведь сильны у всякого автора жажда известности! А публикуешься, — важно иметь успех, признание публики (ну, и, в советских условиях, — одобрение властей).

Но в чудовищной атмосфере большевизма один компромисс влечет за собой другой, одна уступка другой. Приходилось не просто лгать, а грубо, чудовищно врать; не просто льстить, а во весь голос, и самым низким образом. А там, — и предавать друзей, родных, любимых учителей... Войдя в заколдованный круг, трудно было из него выйти. Кто сумел выйти, — уже хорошо. Хотя тут обычно играли роль привходящие обстоятельства, вроде поворота советского правительства в сторону антисемитизма и т. п.

Но вот бы вы и рассказывали по правде! Мы бы не осудили, и наоборот стали вас больше уважать. А вот вы хотите нас обмануть! Обманете кое-кого их старой эмиграции, и еще больше иностранцев; но не нас, знающих советскую жизнь.

Однако, коли лгать в одном, — часто приходится лгать и в другом. Говоря неправду о своем прошлом, вы вступаете на путь дезинформации свободного мира; и это — в пользу большевиков.

Опасный скользкий путь! По нему легко дойти до вовсе бесчестных и позорных вещей.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

И. А.

Среди книг

ПРОВИДЕЦ БУДУЩЕГО

В 13-томном коллективном труде о Первой Мировой войне, "Verdenskrigen", изданном в начале 20-х годов на датском языке в Копенгагене, под редакцией П. Розенберга, мы находим любопытную главу, составленную П. Гансеном, "Nordalsvigs Genforening med Danmark", посвященную драматической истории Шлезвига, судьба которого несколько походила на таковую Эльзас-Лотарингии: он долгие годы служил яблоком раздора между Германией и Данией. Проблема заключалась в том, что в северной части этой области жили датчане, а в южной — немцы.

В 1848 году, когда весь Шлезвиг принадлежал Дании, царь Николай Первый, в беседе с датским послом в России Левецу, высказался за то, чтобы произвести его раздел между двумя государствами, следуя линии, проходящей между населяющими его языковыми группами. Дания тогда не согласилась; но в 1864 году, в результате неудачной войны с Пруссией, она потеряла Шлезвиг целиком, и напрасно требовала с тех пор его себе возврата.

С решением вопроса пришлось ждать конца мировой войны. И что же? В 1918 году все сошлось на разделе именно по тому принципу, который еще за 70 лет до того предлагал русский император! Было произведено среди обитателей голо-сование, и оно довольно точно отразило лингвистическое положение вещей: зона севернее города Фленсборна отошла к Дании, а все, что южнее, — к Германии. Притом, датское правительство даже не пыталось продвинуть существование на юг, трезво рассуждая, что большое этническое меньшинство, состоящее из немцев, неизбежно стало бы в дальнейшем причинять ей хлопоты и затруднения.

Нам всегда стараются представить государя Николая Павловича как столп реакции; как видим, он иной раз оказывался далеко впереди своего времени!

ЖИДКОЕ ЗОЛОТО

Научно-фантастический роман А. Студитского "Сокровище Черного Моря" (Москва, 1956) начинается несколькими удачными главами. Автор рисует нам группу подсоветских ученых, профессора Смолина и его учеников, работающих над получением золота из водорослей (где оно содержится в некоторых минимальных дозах), в соперничестве с профессором Калашниковым, стоящим за добычу драгоценного металла непосредственно из морской воды.

Писатель, видимо, хорошо знает и понимает среду научных работников СССР; герои, хотя и набросанные поверхностно, без особого углубления, — живые люди, каждый со своим лицом и даже, отчасти, языком. А их исследования, затруднения и поиски читателя заинтересовывают и побуждают следить за ними со вниманием.

К сожалению, дальнейшее не соответствует нашим ожиданиям; или, вернее, мы встречаем все то, чего в советском романе нужно опасаться.

Злые американцы, безнадежно отставшие от достижений советских экспериментаторов, прибегают к самым мелодраматическим (и, неизбежно, неудачным) приемам: одного

из специалистов убивают, другого похищают и пытаются; но доблестные чекисты вовремя их козни срывают. И это бы еще ничего; можно бы оторваться от нелепости, читать книгу просто как рассказ о приключениях на фоне борьбы двух каких-то контр-разведок. Но вовсе нестерпимо, когда герои принимаются говорить деревянным языком советской пропаганды... тут уж со скукой перелистываешь страницы, вплоть до конца диалогов.

Притом всякое правдоподобие постепенно теряется, логика становится зыбкой. Например, мы узнаем, что волшебная водоросль, вид багрянки, концентрирующая в своих ветвях золото, была некогда привезена русским путешественником с островов Океании и с трудом акклиматизирована на Черном Море. Зачем же иностранцам ее искать в Советском Союзе, когда нет препятствий собирать ее на месте ее основного происхождения?

Хуже, — и психология центральных персонажей совершает вдруг немотивированные скачки. Главное действующее лицо, ассистентка Смолина Ольга, на протяжении всего повествования влюбленная в своего руководителя, вдруг отдает предпочтение своему вовсе незначительному коллеге по работе, к невольному удивлению и разочарованию читателя.

А уж каждое появление на сцену советской власти, в лице добродетельного секретаря райкома Громова, мертвит ход рассказа до полной нечитаемости.

В конце книги указано, что над ней, кроме автора, поработало два редактора, некие М. Ложечко и А. Оглоблин. Невольно приходит в голову предположение, что оные перестарались и навязали видимо не лишнему таланту писателю вставки и переделки, загубившие его первоначальный замысел.

Отметим с некоторым удивлением скверный аглийский язык, которым говорят американские злодеи; например: Give him a water; вместо Give him some water.

СЕЯТЕЛЬ ЗЛА

Свобода печати в России, в годы перед Первой Мировой войной, часто поражает, когда читаешь изданные в ту пору материалы; и невольно думаешь, что, как констатировал Достоевский, избыток свободы неизбежно ведет к позднему рабству.

Берем вот книжку Я. Берлина "Дела и люди Средневековья", напечатанную в Петербурге в 1911 году; и, что самое курьезное, — в серии "Библиотека Юного Читателя"! С первой до последней страницы, автор, — под предлогом критики средних веков, — едко глумится надо всякою верой в Бога, над каким бы то ни было уважением к традициям, над любой иерархией в строении общества. По своим взглядам Берлин явно близок к марксизму и является провозвестником большевистских историков, типа Покровского и ко.

Отметим, что единственный класс населения средневековой Европы, по настоящему вызывающий симпатию автора, это — евреи, которым он (в качестве обиженных и угнетенных), извиняет все, вплоть до занятия ростовщичеством.

Недаром он и заканчивает свое произведение восторженным гимном французской революции! Как долж-

но было подобное сочинение (по своему уровню — низкопробная и не слишком честная компиляция, почерпнутая из левых западных специалистов) действовать на молодежь?!

Формально, впрочем, цензура не могла, пожалуй, ни к чему и придаться; тем более, что речь идет везде не о России, а о Западе. Но внедрение подобных представлений в головы интеллигенции, начиная с самого раннего возраста, с разрешения и одобрения правительства, поистине поражает как нечто чудовищное. Оно создавало предпосылки для революции, которая становилась, при таком положении дела, вопросом времени.

Ну вот и получилось: "Кто сеет ветер, — пожнет бурю!"

СЛАВА РОССИИ

Молодой австриец барон Бреннер совершил в 1886 году трудное и рискованное путешествие в страну батаков на берегу озера Тоба, в области тогда совершенно неисследованной, в большую часть которой еще не вступала нога европейца. Туземцы не признавали над собою власти голландцев, захвативших побережье моря, и относились к этим последним весьма враждебно. Сам Бреннер и его товарищ, швейцарец Мехель, едва не полатились жизнью за свою предприимчивость, в селении Лунтонг, где их хотели убить и отпустили только, когда они сумели доказать, что суть уроженцы вовсе иных государств, чем Голландия.

Отважный странник рассказал о своих приключениях в книге "Три месяца среди людоедов Суматры", переведенной с немецкого и изданной в Петербурге в 1911 году. Отметим один любопытный эпизод из его экспедиции, касающийся деревни Негори, где к неожиданно прибывшим белым отнеслись дружелюбно и гостеприимно:

"Затем туземцы начали в свою очередь расспрашивать нас и обнаружили при этом гораздо больше живой любознательности, чем батаки, живущие в низменности и на плоскогорьях. Я должен был рассказывать им о Европе, "стране белых", о голландцах и англичанах. Есть ли еще другие народы? Не самое ли большое и могущественное царство Россия? Такими вопросами осаждали они меня, и я особенно удивился, откуда они узнали о России. Что они знают голландцев было естественно, но как к ним попали известия о России, этого я понять не мог".

То, насколько велик был престиж нашей империи на Малайском Архипелаге подтвердилось впрочем позже, когда теснимый Нидерландами султанат Аге обращался к России за помощью и просил ее протектората. Жаль, что расстойные и понятные дипломатические трудности не позволили нам эти мольбы удовлетворить. Как можно жалеть и о том, что государь Александр Третий не в состоянии был выполнить предложение Н. Миклухи-Маклая организовать русскую колонию на Новой Гвинее.

Мы могли бы оказаться ближе к этим сказочным краям, если бы в свое время выполнили блестящую мысль Павла Первого, отправившего казаков на завоевание Индии. К несчастью, сей проект умер в зачатке.

Вместо сулившего столько выгоду и успехов движения на Восток, Россия продолжала, однако, утвердившееся в эпоху Московской Руси, но вряд ли своевременное в 19 веке, стремление на Балканы. — и мы знаем как печально оно окончилось.

Савва Юрченко

Политический Калейдоскоп

Скандал вокруг секретных поставок оружия Ирану (бывшей Персии) продолжается. Однако, можно надеяться, что он не дойдет до размеров скандала называемого "Уоттергейт", стоившего в свое время своего поста тогдашнему президенту США Никсону. Несомненно, общественность каждой страны имеет право быть осведомленной о политических акциях своего правительства, не говоря уже о праве законодательных органов быть в курсе таких акций. Однако, это право должно быть как-то ограничено, для того, чтобы исполнительная власть обладала известной автономией для осуществления своей политики. Что не должно обозначать, в свою очередь, безотчетность и безответственность такой автономии. Повторение подобных скандалов позволяет предполагать отсутствие ясных законодательных норм и дополнительных к ним регламентов не только для предотвращения подобных положений, но и для самой правительственной деятельности в таких сложных политических международных вопросах. А может быть и указывает на не совсем удачную структуру высших правительственных органов.

Конечно, нельзя для этого брать пример с тоталитарных государств, в которых подобные скандалы невозможны по той простой причине, что общественное мнение вообще не принимается в счет. Но можно провести сравнение с функционированием правительственных органов в Англии, которые предохранены законом от чрезмерного любопытства печати (за которой иногда скрываются и другие интересы), но все же полностью подотчетны перед парламентом. Приблизительно такое же положение существует на деле и в Израиле.

Однако, весь этот общественный скандал может привести к тому, что вопросы о сути случившегося не только не будут удостоены ответа, но не будут даже ясно заданы. На самом деле, какие глубокие геополитические причины могли толкнуть правительства США и Израиля помогать Ирану? Сейчас выясняется, что Иран получал вооружение не только от США и Израиля, но также и от Красного Китая, Северной Кореи, Болгарии и других стран. Действительно, можно недоумевать по поводу такой политической конвергенции между так называемыми "первым и вторым мирами" и Красным Китаем.

Весьма возможно, что одной из причин таких попыток как-то установить конкретные контакты с иранским режимом действительно были продиктованы перспективами ожидаемых скорых перемен в Иране. Причем, такие поиски контактов со стороны одного блока, неизбежно толкают на такие же поиски и других участников современной вселенской междуусобицы.

Дело в том, что сегодня в мире с геополитическими интересами переплетаются также и интересы идеологические. Как раз эти последние и ведут к так называемой "дестабилизации" определенных режимов (как, например, персидской монархии, а до нее и русской). Так и получается, что одни махинации неизбежно вызывают другие, и так без конца.

П. Н.

ного звена. Само собою разумеется, что ни в каких симпатиях к анархизму меня обвинить никак нельзя, хотя один раз ОГПУ меня арестовало именно за анархизм. Это был самый короткий арест: часа на два. Я был до того изумлен, что даже чекисты поняли свою ошибку. Но как бы ни относиться к анархизму вообще, следует все таки признать, что кн. П. Крапоткин был человеком совершенно исключительной моральной высоты. И как бы ни расценивать идею монархии, необходимо, все таки, констатировать тот факт, что для подавляющей массы "монархического дворянства" монархия взята, как идея, не значит абсолютно ничего — это только вывеска.

Сословный строй страны вызвал целый ряд трагических и автоматических противоречий. Я несколько раз пытался проделать такой эксперимент: стать на наиболее объективную точку зрения, какая только практически возможна, — это будет точка зрения русского монарха. Итак: сословный строй дан исторически и унаследован от всего прошлого. От этого прошлого унаследованы и некультурность масс и некультурность дворянства, не всех, впрочем, масс, и не всего, впрочем, дворянства.

Так вот: земство. Если отстранить дворянство от его ведущей роли в этом земстве, то земство попадает или в некультурные руки крестьянства, или в революционные руки интеллигенции. Если дать дворянству ведущую роль — совершенно неминувша оппозиция крестьянства. Администрация: если сломать дворянскую монополию — значит нужно открыть двери или купечеству, у которого достаточных административных кадров еще нет, или разночинной интеллигенции, которая начнет "свергать". Если оставить эту монополию, то купечество и интеллигенция пойдут в революцию, — как это и случилось на самом деле. И так плохо, и так нехорошо. Скорострельного выхода из положения не было вообще. По крайней мере, государственно разумного выхода.

На это основное противоречие наслаивались десятки и десятки других. Финляндия была практически не-

— 38 —

Императрица, по мнению почерпнутому из "салонов", была "мистически предана" Распутину, а о гемофилии Наследника Цесаревича и о гипнотическом лечении Распутина в воспоминаниях не сказано ни слова. Что же касается "этой ужасной Охранки", то в представлении М. Палеолога она была чем то вроде ГПУ — могла расстреливать любого гражданина страны, да так, что и родные ничего об этом не знали. Что делать, без всякого исключения ни один иностранный наблюдатель и очень многие русские наблюдатели.

М. Палеолог пишет еще обо одном противоречии: — "Общем невежестве русского народа" с одной стороны, и его "элите" — с другой. Он пишет о некультурной и отсталой массе и об элите "блестящей, активной, плодотворной и сильной" — "Нигде больше в мире экспериментальные и положительные науки не представлены так достойно, как в России". "И я даже рискую сказать, что Павлов и Менделеев — это такие же величия, как Клод Бернар и Лавуазье", — со стороны француза это, конечно, высший комплимент. Список имен этой элиты занимает у Палеолога две страницы, — причем часть этих людей он знал лично. На свои приемы он приглашал не только представителей династии, правительства и дипломатии, но также и представителей промышленности и науки. Палеолог, как посол Франции, смертельно боялся русской революции, ибо революция в России означала бы переброску всех или почти всех германских сил на западный фронт, — что впоследствии и случилось. Он уже в то время отметил и Стравинского и Прокофьева, но "мужик" в его представлении очень недалеко ушел от троглодита.

Итак: с одной стороны — Павлов и Менделеев, Толстой и Врубель, и с другой — "мужики", которые ставят свечки, то ли перед образом Святого Григория — в память убитого Распутина, то ли перед образом Святого Димитрия — в память убийц Распутина. Но само собою разумеется, что при всей своей наблюдательности, русского мужика М. Палеолог просто видеть не мог.

— 38 —

крытых позициях артиллерии? Да, радио-телеграф был изобретен в России. Но почему он был на японском флоте и его не было на русском? Таких вопросов можно было бы поставить бесконечное количество. Сумма ответов на все эти вопросы была, действительно, до очевидности проста: устаревший правящий слой страны, базирующийся на ее устаревшем социальном строе, не годился никуда. Из установления этого — совершенно бесспорного — факта был сделан, по меньшей мере спорный вывод: "долой самодержавие". Спорный потому, что "самодержавие" или "монархия", не связаны ни со строем, ни со строем: монархия может быть и крепостнической и социалистической, а "самодержавие" в старой Москве означало — в переводе на нынешний язык — национально-суверенную монархию, ограниченную и Церковью, и Соборами, и традицией. В Санкт-Петербурге 18-го века оно обозначало монархическую вывеску над диктатурой дворянства, и в 19-ом столетии оно обозначало центральную единоличную власть, "ограниченную царевубийством" и пытавшуюся вернуться к московским истокам этой власти. Кое-что из всего этого мы начинаем понимать только сейчас. Но в 1905-06 г. г. вопроса о понимании даже и не ставилось: страна, я бы сказал, пришла в разъяренное состояние. И не было никакого агитпропа, который разъяснил бы: так в чем же, в сущности, было дело? Дело, конечно, было в социальном тупике, настоящего выхода из которого не нашел и манифест 17 октября 1905 года. Двенадцать лет спустя оказалось, что тупик так и остался тупиком.

Банальное объяснение провала революции 1905 года говорит о том, что революция была ликвидирована "уступками" манифеста 17 октября. Люди вообще склонны к самым банальным объяснениям, — вот, вроде немецкого "дольхштосса", в очень вольном русском переводе: "нож в спину революции". Германия 1930-х годов была твердо убеждена в том, что в Первую Мировую войну ее армии оставались непобедимыми и что победу сорвала революция, давшая в спину армии — "дольхштосс". Любая хронологическая справка указы-

— 31 —

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Итак, настоящая революция 1905 - 1906 г. г. была подавлена. Не замазана уступками, а подавлена вооруженной силой, 1906 г. дал России конституцию. Но ни революция, ни конституция не решили ничего, почти ничего не улучшили, и весь исторический ход дальнейшей русской жизни привел, собственно говоря, только к одному: к предельному обнажению ее "трагических противоречий".

Формулировка о "трагических противоречиях" принадлежит не мне. С. Ольденбург (стр. 10) пишет о Государе Императоре:

"Новый порядок вещей во многом не соответствовал Его идеалам, но Государь сознательно остановился на нем в долгом и мучительном мекании выхода из трагических противоречий русской жизни."

Основное из этих трагических противоречий заключалось в том, что в начале XX-го века в стране продолжала существовать совершенно ясно выраженный сословный строй. Что в это же время основная масса населения страны, — ее крестьянство, — было неполноправным ни экономически, ни политически, ни в бытовом, ни, тем более, в административном отношении. Законопроект о крестьянском равноправии был внесен в Законодательные Палаты еще П. А. Столыпиным. Государственный Совет кромсал и откладывал этот законопроект, как только мог, и только осенью 1916 года, то есть, совсем уже накануне революции, этот проект попал на рассмотрение Государственной Думы — да так и остался не рассмотренным... и до сих пор (Ольденбург, стр. 180). Это положение я сформулировал почти четырнадцать лет том уназад в "Тезисах Штабс-капитанского Движения" (стр. 9):

"Гений русского народа был зажат в железные тиски крепостничества, и тех его пережитков, которые существовали до 1917 года".

— 33 —

влет на тот печальный факт, что революция пришла приблизительно через месяц после полного военного разгрома, — после Салоникского прорыва, капитуляции Болгарии, Австрии и Турции, после истощенных телеграмм Гинденбурга и Людендорфа, требовавших от Вильгельма "капитуляции в двадцать четыре часа". Высочайший Манифест был дан семнадцатого октября. Московское вооруженное восстание началось второго декабря, а всеобщая забастовка — седьмого декабря, то-есть, самая высокая волна революции поднялась приблизительно через полтора месяца после Высочайшего Манифеста. Можно, конечно, сказать: уступки только раззадорили революцию — но и это будет банальным ответом: правящий слой всех наших белых армий ничего "уступать" не захотел, и как нам совершенно точно известно, "не уступает" и до сих пор. Потерял а б с о л ю т н о все шансы на возвращение хоть чего бы то ни было, — бежит, бежит, бежит — и не уступает.

Революция 1905-06 годов не была "замазана уступками", а подавлена в о о р у ж е н н ы м п у т е м . Если бы в эти годы Риманы и Минны, Свердловы и Дубасовы действовали так же, как в 1917 году действовали Алексеевы и Брусиловы, Рузские и Хабаловы, то тысяча девятьсот семнадцатый год мы имели бы в тысяча девятьсот пятом. Но в 1905 году правящий слой еще не имел в своем прошлом столыпинской реформы, а перед его будущим еще не стояла перспектива полного банкротства. Поэтому в 1905 году правящий слой поддержал Монархию, а в 1917 году — изменил Ей. В феврале 1917-го года н и к а к о й революции не было: был бабий хлебный бунт, и генерал Хабалов вопреки прямому повелению Государя, отказался его подавить. Генерал Хабалов, видите ли, боялся пролития крови. Это, так сказать, биологическое чудо: генерал, боящийся пролития крови. Революция началась в марте и стала "углубляться" решительно по той же схеме, по какой углублялась Великая Французская революция. С той только разницей, что наши якобинцы оказались гораздо серьезнее французских.

— 32 —

Имейте в виду: это было написано почти четырнадцать лет тому назад.

"Пережитки крепостничества" в той форме, в какой они сохранились до 1917 года, сводились в самом основном к тому, что дворянство сохранило за собой почти полную монополию управления государством — и не только на верхах, но и на низах. Министрами могли быть и были только дворяне, губернаторами — тоже, земскими начальниками — тоже. Земскими самоуправлениями по закону и "по должности" заведывали уездные и губернские предводители дворянства. Крестьянская масса, неравноправная, ни экономически, ни политически, ни даже в области гражданского права, была целиком отдана под дворянскую опеку. Эта масса рассматривала дворянство, как своего наследственного противника, с которым она вела то партизанскую войну за выгоны, перегоны, уголья, аренды и прочее, то подымалась Пугачевщиной или "беспорядками". Земство эта масса рассматривала, как дворянское предприятие и только в северных губерниях, где дворянства почти не было, земство попало в крестьянские руки и дало блестящие результаты, например, Вятское Земство. Словом, дворянство удержало свою опеку надо всей страной.

Можно спорить о том, была ли эта опека благотворительна или губительна. Было и так, и так. Русский суд — собственно исключительно дворянский, был вне всякого сомнения лучшим в мире, причем между "лучшим в мире" русским судом и "вторым местом" в этой области был з н я ю щ и й прорыв: уже "второе место" в сравнении с этим чисто дворянским русским судом, не выдерживало н и к а к о г о сравнения. Командный состав армии — откуда дворянство ушло прежде всего — или начало уходить — был совершеннейшей к а т а с т р о ф о й . Правительство — исключительно дворянское — при всех своих недостатках было а б с о л ю т н о н е п о д к у п н ы м . Знать, вращавшаяся около правительства и "сфер", старалась воровать, как только можно. Бар. Дельвиг

— 34 —

Сословный строй был дан России и с т о р и ч е с к и , и очень немного в мире стран, которые без этого строя обошлись. Строй умирал, но еще не умер. Я как-то иронически писал, что русское дворянство разделилось на две части: дворянство кающееся и дворянство секущее. П о л и т и ч е с к и это точно. Но вне политики существовала еще и третья разновидность дворянства — дворянство р а б о т а ю щ е е . На судьбы России оно, к сожалению, не оказало н и к а к о г о влияния. Ф. Кони — в области суда, Л. Толстой — в области литературы, Дягилев — в балете, Станиславский — в театре, Ипатьев — в химии и прочие и прочие, каждый в своей области ставили м и р о в о й рекорд, и рекорд в большинстве случаев неоспоримый. О русском народе М. Горький сказал: "Народ талантливых чудаков", — о "чудяках" можно спорить, о талантливости, пожалуй, не стоит. Русское дворянство было по-русски талантливо и, кроме того, оно имело, так сказать, экономический досуг для того, чтобы "овладеть всей современной культурой", по крайней мере, та часть дворянства, которая этого хотела.

И если мне, например, пришлось зубрить иностранные языки по Туссену и Лангеншейдту — отчего я и до сих пор, зная три иностранных языка, ни на одном из них не могу говорить совершенно свободно, то Герцены и прочие получали это а в т о м а т и ч е с к и — от гувернанток. Они не знали заботы о завтрашнем дне и могли заниматься Гегелем сколько им было угодно — жаль что они занимались именно Гегелем. Как бы то ни было, были накоплены огромные культурные ценности, которые и потеряны сейчас почти бесповоротно. Радоваться этим потерям было бы совершеннейшей бессмыслицей.

Так что, правящее сословие страны разделилось на три части: одна, — аполитичная, — пошла на работу, она, конечно, составляла ничтожное меньшинство, как и всякая умственная элита в мире. Остальное дворянство разделилось на кающееся и секущее, — на революцию и реакцию, — почти без всякого промежуточ-

— 37 —

в своих воспоминаниях о железнодорожных концессиях, которые получили представители знати, сейчас же перепродавшие эти концессии иностранцам, в результате каковых операций "чистый доход" и без всякого приложения каких бы то ни было усилий составлял десятки миллионов тогдашних золотых рублей. Если вы удосужитесь перечитать воспоминания ген. Мосолова, или Бьюкенена, или Палеолога, то вас, вероятно, поразит то ощущение безмерных богатств, которые водопадами бриллиантов и жемчугов сверкали на петербургских приемах и балах, — но это было прозрачное богатство, — его экономическая база уже не существовала. И на ряду с этими водопадами рядовой русский офицер, по словам ген. П. Краснова, "если не всегда голодал, то недоедал всегда", а ведь это было в довоенной России! Быт этого офицерства я лично знал потому, что вырос в таких гарнизонных городах, как Гродно, Вильно, Минск — быт был у ж а с а ю щ и й . Но в пределах этого быта шло "противоречия". Русская артиллерия, была, конечно, лучшая в мире. Русские артиллерийские офицеры ставили русские казенные заводы так, как по тем временам не был поставлен ни один завод в мире, может быть за исключением Цейссовского к о о п е р а т и в н о г о предприятия (заводы Цейсса были построены на наследственно кооперативных началах). Так что и тут получается чрезвычайно странное противоречие: на человеческой базе вот этих самых артиллерийских офицеров можно было бы построить "настоящий социализм". То есть, и в самом деле полное огосударствление средств производства. В то же время интендантство воровало, как последний карманный вор. Причем воровство это шло — как в Японскую войну — "на счет русской крови".

Морис Палеолог, французский посол в Петербурге в предреволюционные годы, был очень внимательным наблюдателем. Не обходится, конечно, и без некоторой клюквы, касающейся главным образом двух вещей — Государыни Императрицы и "Охранки". Государыня

— 35 —

А. ФЕДОСЕЕВ

О будущей России

5. Д Л Я Ч Е Г О Н А М Н У Ж Н О Г О С У Д А Р С Т В О ?

Этот вопрос ставится совсем не для того, чтобы, ответив на него, сказать: вот так государство и нужно строить. Отнюдь нет. Если однако понять, для чего нужно государство, для чего оно должно было бы существовать, можно было бы предсказать, что, в конечном итоге, рано или поздно, ошибки в построении государства будут людьми преодолены и государство именно так и будет построено, чтобы выполнять задачу, нами правильно понятую.

Если судить по тенденции в построении и развитии государств на Западе, то можно заподозрить, что задача государства состоит в законченной до деталей организации жизни людей, в превращении общества людей в огромную, великодушную и совершенную машину. Машину, в которой все совершается целесообразно по некоторому научно обоснованному технологическому процессу. В точности, как при современном массовом производстве, скажем, телевизоров. Все разумно, все на 100 % целесообразно, нет ничего лишнего и нет ничего (не может быть) нарушающего рамки законов природы, то есть все на 100 % справедливо.

Даже сами понятия неравенства, несправедливости, нищеты, несвободы, вражды в такой идеальной машине не могут иметь места. Ведь ни болт, ни гайку нельзя считать нищими только потому, что их задача проще, чем у других: каждая часть машины равно необходима. Болт и гайка между собой не враждуют. Говорить о несвободе маховика или поршня просто смешно, так как их свобода только и возможна в пределах этих законов природы.

Тенденция развития западной "демократии" явно заключается в постепенном совершенствовании государства именно в этом направлении. Государство начинает охватывать своим регулированием все больше и больше наших нужд. Начинает относиться к нам, несмотря на все наши индивидуальные различия, одинаково. Централизация и концентрация власти государства постепенно исключает для нас возможность действовать вопреки технологическому процессу, то есть действовать по своему. Человек становится частью государственной машины, выполняющей необходимую, заданную функцию, от которой он не может отклониться. Все, конечно, законно, целесообразно, организовано, разумно, справедливо, равно, гармонично, стройно и даже красиво.

Социалистические страны, по социалистической идее, и являются такими идеальными государственными машинами. Идея социализма и есть, фактически, идея такого общества, превращенного в идеальную машину с помощью всемогущего человеческого разума. Таким образом самая передовая социалистическая страна — СССР уже достигла, правда не эволюционным, а революционным путем, конечного пункта на линии этой самой тенденции развития западной "демократии". Любопытно, что люди на Западе не могут поверить, что СССР и есть то, что их ожидает на том пути, по которому они двигаются к своему идеалу. (Если, конечно, не свернут с пути.) Они не могут поверить, что совершенная единая организация неизбежно приводит к таким унижениям и страданиям людей и к такому материально-духовному оскудению, которые характер-

ны для СССР и всех социалистических стран.

Наш опыт, опыт людей, испытанных на себе свойства идеальной общественной машины, для людей Запада неубедителен. Каждый ведь считает себя умнее и способнее других и нуждается в собственном, личном опыте. Чужой опыт никому не указ. (Впрочем, и среди нас, испытанных, но по-разному, есть люди, утверждающие, что в СССР машина просто плохо построена. Дайте им власть и они построят так, как надо. Можно было бы пожелать им удачи, но нельзя. Ведь они хотят распорядиться многими миллионами людей по своему, не спрашивая у них их мнения или согласия, как это делал в свое время Сталин. Очень хорошо, что у них власти нет!)

Так или иначе, управители Запада продолжают двигаться к идеальной государственной машине. К тому же и население, лишенное уже достаточной самостоятельности, имеет только один выход — вопить и требовать совершенствования государственной машины, искренне полагая, что в этом есть залог будущего счастья.

Мы-то, однако, знаем, что стать болтами, гайками, маховиками и поршнями судьба крайне неприятная. Главное, что мы знаем: человек никогда не сможет стать "хорошей" гайкой или болтом. Мы люди, все разные, нестандартные, не механические, непредсказуемые, эмоциональные и, главное, творческие (посильно) индивидуумы. Наше счастье не в том, чтобы выполнять идеальную некую западную "справедливую", "правильную" функцию. Наше счастье в созидательном (посильном) творчестве, в его неудачах и успехах. Наше счастье в том, чтобы быть уникальными каждому во всем разнообразии задач и действий. И ничего страшного, если каждый из нас хочет своего, личного, индивидуального, и это может противоречить аналогичным желаниям других. Эта необходимость считаться с другими людьми, уважать их, входить с ними в индивидуальные компромиссы в условиях свободной совместной жизни, только добавит к нашему творчеству еще одно вдохновляющее измерение. Мы окажемся лишь еще счастливее, если наш индивидуальный компромисс привел и к нашему собственному добру и к добру для других людей, участников компромисса. Так может быть, если есть государство, но не идеальная машина. Когда государство стало машиной, тогда приходится обращаться к государству и требовать, чтобы оно, как можно скорее и лучше разрешило (вместо нас самих, индивидуально) это противоречие между нашими желаниями и желаниями других. Результат неизбежно окажется плохим и для нас и для противостоящих нам других людей. Мы теперь знаем, что даже идеальное государство социализма на разрешение этого противоречия неспособно. Государственная машина социализма противоречит самой природе человека. Она загоняет его в дьявольскую колдовку, которая, рано или поздно, должна быть человеком разрушена, но до этого принесет ему море страданий. Высшая, современная организация общества противоречит самому акту сотворения Богом человека, так как требует превращения живых людей в нечто, подобное мертвым механическим деталям. Создание социализма есть акт,

отрицающий уже, сам по себе, Бога, так как имеет в виду переделать божественную человеческую природу: лишить его Богом данного живительного личного интереса (эгоизма) и заменить этот интерес мифическим интересом общества социализма, хотя какой же может быть интерес кроме совокупности личных интересов людей, находящихся в индивидуальных компромиссах друг с другом? После 70 лет социализма и его строительств в СССР человек там так и не превратился в механоподобного гомосоветикуса. Конечно, он вынужден приспособливаться к условиям социалистической жизни, чтобы выжить. (В этом тоже его личным интерес, а не государственный.) Его поведение искажено условиями социализма до неузнаваемости. Это происходит с любым человеком, любой национальности, любого происхождения, когда он попадает в такие условия. Человеческая гордость и самоуверенность, человеческое достоинство исчезают из вида. Тем не менее, вполне можно убедиться, что сама человеческая природа от этого не изменилась ни на йоту. Как только человек, любой, вырвется из условий социализма, он немедленно возвращается в состояние человека, а не остается гомосоветикусом. Конечно, некоторые привычки исчезают не сразу, но со временем, что по человечески тоже естественно. Таким образом 70 лет социализма не могли переделать человека на социалистический лад, превратить его в гомосоветикуса.

Мне кажется, что наше обсуждение вопроса о задаче государства уже подвело нас к правильному выводу. Государство должно соответствовать божественной природе человека, развивая и утверждая ее, а не изменять и переделывать ее. Государство должно охранять и сохранять Божественное разнообразие уникальных творческих индивидуумов (основы развития и совершенствования человечества) в условиях совместной жизни и деятельности людей. Совместной жизни и деятельности, которая, сама по себе, есть почва и средство для дальнейшего грандиозного развития человечества, как уникального, Божественного материально-духовного единства и комплекса.

Задача государства в поддержании и охране равновесия миллионов творческих, свободных, разнонаправленных устремлений миллионов уникальных личностей. Такое равновесие, образованное миллионами индивидуальных компромиссов, обязательно будет динамическим, то есть развивающимся. Развивающимся обязательно в сторону блага людей, каждого в отдельности и всех их в совокупности.

Христианство уже давным давно предположило основу этого равновесия: "не лги", "не укради", "не убий", "не сотвори себе кумира". Кумира социализма. Кумира равенства, братства, справедливости и свободы — кумира рая на земле.

Очень важно отметить, что христианство (я не говорю о церкви) не имеет никакого отношения к самому обществу или к государству, то есть к политике. Христианство существовало и при рабстве, и при феодализме, и при капитализме, и при социализме, и будет существовать до тех пор, пока будет существовать человек, как личность потому, что христианство обращается к личности, имеет дело с личностью. В этом его

суть. Политика, государства появляются и исчезают, заменяясь новыми, но личность человека и с нею христианская вера остаются.

Христианство и человеческая личность составляют естественную основу того, что я называю социальным равновесием, о котором я говорил выше. И эта основа остается в силе независимо от того является человек верующим христианином или неверующим атеистом. Дело государства и политики помочь нам всем в обеспечении заповедей христианства: не лги, не укради, не сотвори себе кумира, не убий. Для этого у государства должны быть соответствующие законы и соответствующая (именно соответствующая, а не беспредельная) власть и средства ее осуществления. Государство должно обеспечивать действие порядка и законности, однако не вмешиваясь и не диктуя нам наши индивидуальные компромиссы и наши индивидуальные действия. Мы должны быть творчески свободны. Важно отметить, что и эта наша Божественная (данная Богом) свобода не должна нами превращаться в новый или старый кумир. Свобода без ограничений, без рамок, превращается в свою прямую противоположность — в потерю свободы. Свобода монополий есть потеря свободы людей. Свобода гигантских объединений людей есть потеря свободы и этих и других людей. Свобода концентрации государственной власти есть потеря свободы людей. Вообще, неограниченная свобода одного означает потерю свободы для других. Неограниченная свобода, например, демонстраций и забастовок, переходящих в дебоши, разрушения, членовредительства и даже убийства, есть потеря свободы других людей жить нормально.

Сколько людей потеряло не только свободу жить, но и саму жизнь в результате сотворения из свободы кумира! Если посмотреть историю хотя бы двух последних столетий, мы увидим, что все эти "Закаты Европы", "Гибели цивилизации и мира", открытия у людей якобы инстинкта разрушения и смерти, являются следствием сотворения кумиров из организации, порядка и самой свободы. Являются следствием свободы лгать, красть, убивать. Следствием манипуляций человеческим обществом всяких социалистов и политиканов, вообразивших себя заместителями Бога на земле. Между тем человечество имеет в себе внутреннюю силу развития в направлении блага людей (не смерти) и не нуждается в манипуляциях. Эта сила заключена в динамическом социальном равновесии, обеспечивающем действие творческой, Божественной природы человека в условиях индивидуально-компромиссного взаимодействия миллионов людей.

А. ФЕДОСЕЕВ

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ

Если бы даже только половина сегодняшних читателей нашла по одному новому подписчику, этим не только упрочилась бы материальная основа "Нашей Страны", но и был бы создан возможность увеличения размеров газеты и расширения и улучшения ее содержания.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

"ЗА СКОЛЬКО ТЫ ПРОДАЛСЯ ХРИСТИАНАМ?!"

Это спрашивают (с металлом в голосе) единомышленники М. Азбеля, "разоблачившего" меня в "Континенте" № 49. Они считают себя носителями "высшей морали", что позволяет им осуждать всех, кто посмел уехать из Израиля: это мол, дезертиры, рвачи, лишённые чувства родины... А что, если наоборот?

Некоторым советским евреям казенный антисемитизм помешал сделать карьеру в идеологии. Зато эти "советские продукты" удачно всплывают в израильской пропаганде, в качестве "зазывал". Для такой карьеры надо бить себя в грудь: "Я — Еврей!!! Я — всегда ненавидел Россию, тысячелетнюю рабыню православия! Русские — черносотенцы! Куприн, Булгаков, Солженицын — антисемиты, как и все русские классики! Хорошо, что Леонид Бородин сидит в лагере! Не дай Бог, если христиане победят, — пусть уж лучше останется советская власть! Израильский социализм — самый гуманный! Израильские дети — самые талантливые! Израильские Органы — самые нежные! Советских евреев — надо без пересадки тащить в Израиль, чтоб не разбежались!"

Казенный патриотизм, официальная идеология, показуха, подхалимаж — это так привычно для "советского продукта", всплывающего в любой стране, в любой Партии, — лишь бы понравиться начальству, обеспечить карьеру детей... Такие "патриоты" готовы травить каждого, кто осмелится честно анализировать израильскую реальность. Ущаты грязь вылили на Григория Свицкого за "Прорыв", подлинную энциклопедию борьбы российских евреев. Клеветают и на талантливого хирурга Ю. Нудельмана за книгу "Кровопротитие в медицине" (трагедия еврейских профессоров, изгнанных из Израиля). О талантливом сатирике Э. Севеле до сих пор пускают грязные сплетни ("продался арабам" и т. д.). Клеветали "зазывалы" и на Ю. Милославского, З. Зиника, Ю. Шмуклер, Э. Люксембурга, А. Якобсона... Я тоже пытался анализировать израильскую проблематику в повестях "Западня", "День победы", "Чеховград", "Сегодня" — вот и дождался первой порции клеветы от "рядового сиониста"...

Скажу прямо: я "случайно" попал в Израиль. Мой отец, Леопольд Трэппер, умолял меня — поселиться там, чтобы помочь ему вырваться из концлагеря. Отец добился своего — похоронен в Израиле... Но я вынужден был поэтому отсидеть там 8 лет (подробности — в моей повести "Воля. 1984", от стр. 109). Я никогда не скрывал, что моя "национальность" — это старая русская классика, позволившая мне освободиться от марксистско-ленинского хомута. Христианство, которым проникнуто все русское искусство, — является главной моральной силой в борьбе против красного фашизма. Я благодарен Господу, что родился и вырос в Москве, — и даже сегодня вернулся бы туда, если бы начались глубокие серьезные Реформы. Но пока не вышли на волю все политзаключенные, пока нет права на свободный выезд из страны (и свободное возвращение), пока господствует партийная цензура и КГБ, — нельзя верить казенным "реформаторам". Молюсь, чтобы к 1000-летию Крещения Руси наступила бы хоть какая-то надежда...

Все эти проблемы я и рассматриваю в 14-ти книгах, опубликованных в ФРГ. Тут я живу с семьей уже 8-й год (после окончательного выезда из Израиля). Свободная, христианская Германия, преодолевшая наследие национал-социализма, может быть примером для многих стран, ныне остающихся еще тоталитарными (разной национальной окраски). Я давно мог бы получить здесь местный паспорт, если бы, вслед за многими, оформил бы "немецкость". Но, считая себя русским по вере и культуре (и евреем по крови) — я не хотел выдавать себя за "немца", хотя это лишь пустая юридическая формальность. Если бы пошел на фальшивку, то КГБ и израильские власти могли бы шантажировать меня, заставляя быть "полезным" евреем, то есть казенным "патриотом".

Азбель лжет, говоря, что я "любой ценой" хочу стать немецким гражданином. Лжет он, утверждая, что моя жена была в ФРГ уволена с работы "по сокращению штатов". Она 5 лет работала здесь врачом (максимальный срок для иностранцев) — и была уволена лишь потому, что Израиль не освободил нас от своего гражданства, — а без этого и немцы не могут выдать документов. Вот тогда я уже публично обратился к президенту Израиля. Освобождение не получено по сей день... Но могло быть все "благополучно", если бы я согласился стать казенным "зазывалой", агитировал бы советских евреев за приезд в Израиль... Ну, а раз мы "не полезные" еврею, то израильские чиновники берут нас "измором". Доведенные до отчаяния, 11 месяцев назад мы отослали наши израильские паспорта в посольство, — в одностороннем порядке выжили из этого гражданства. Но израильские чиновники заявляют немецким властям, что и дальше считают нас гражданами Израиля и что немцы не имеют права выдать нам никаких документов (а без паспорта жить нельзя...). Израильские чиновники собираются, как видно, насильственно затолкать нас в свой самолет и "приземлить" на их исторidine. Разумеется, я буду защищать силой свою жену и дочь, — мы не потерпим чекистского произвола. Чтобы обелить поведение израильских властей — на сцене появился "рядовой сионист" Азбель (хотя всем известно, что он — из крупнейших казенных прислужников). Азбель издевательски спрашивает меня: "как же это вас преследуют наши чиновники, за пределами-то Израиля?" На Судебном Процессе (на Западе, а не в Израиле) могут быть названы очень многие жертвы такого "тайного сговора" чиновников с "рядовыми" активистами: многих "беглецов" они

довели до самоубийства, до сумасшествия, — а многих заставили вернуться на "землю обетованную"...

Азбель лжет, что нельзя, мол, нас освободить от гражданства, иначе всякие "дезертиры" воспользуются... Мне уже 50 лет, я с детства — инвалид (почти слепой) — был "белобилетником" и в СССР, и в Польше, и в Израиле (но я там соглашался служить в Хаге, пока позволяло здоровье).

Азбель лжет, что я, мол, был хорошо устроен в Израиле, — как все... Нет, я долгое время был безработным: последние 3 года перед выездом я обращался во все инстанции, предлагал даже бесплатно читать лекции по русской литературе, — всюду отказ, глухая стена (все это ускорило смерть моего отца). Азбель и тут сочинил фальшивку, называет меня "кандидатом физико-математических наук", чтобы читатели возмущались моей "наглостью": физик, а хотел читать лекции о Чехове... Но дело в том, что я никогда в жизни не учился на физмате (в отличие от персонажа моей повести). Я защитил диссертацию о Чехове, написал пару книг о его творчестве, отсюда и псевдоним: "Да, Антонов". По этому поводу Азбель ядовито замечает, что я — изменил родному отцу (народу, Правительству?). Но как раз в Израиле — есть обычай менять свои имена, фамилии — на "древне-аристократические". А русский псевдоним — "аморально"? Чем же этот расизм лучше советского антисемитизма?

30 лет назад я отказался от советского гражданства, — и по сей день считаю, что евреи должны покинуть СССР, чтобы не оставаться гражданами "третьего сорта"... Думаю теперь, что разумнее эмигрировать в Европу или в США, а уже после получения западного гражданства — пожить пару лет в Израиле, чтобы сделать окончательный выбор. 8 лет жизни в Израиле помогли мне понять, что иудаизм — это главная цементующая сила для выходцев из десятков стран. Но любая христианская "проповедь" (даже в лекциях о русской классике) — вызывает отпор "рядовых" сионистов, что вполне естественно и закономерно, как и 2000 лет назад... Поэтому надо сделать окончательный выбор: или христианство (русская культура) или иудаизм, или "соцлагерь"... (А. Якобсон говорил: "Лучше бы я остался в лагере, в России"). Но Израиль не признает права выбора, не освобождает от гражданства. А будешь "бунтовать", — затравят, доведут до кровоизлияния в мозг, до петли (А. Якобсон, В. Рубин и многие другие). А мне Азбель приписал "кровавый навет"... Это столь чудовищно, что даже прокурор Вышинский позавидовал бы "логике" Азбелей. Они — душат мою семью, выкручивают руки, а мне запрещается даже кричать караул, звать на помощь! Азбель угрожает мне: "вы плохо кончите"... А что, уже снарядили "народных" мстителей? ("мы за ценой не постоим"). Почему Азбели не дают нам спокойно жить в Свободной Германии, почему гонят на "исторidine"? А потому, что совместно с советской пропагандой они создали зловещий миф о "неонацистской опасности" в ФРГ. Азбели "заботятся" о нашей безопасности... Чекисты также "заботились", когда не выпускали нас на Запад, объясняли отцу: "Неонацисты — убьют вас там, за антифашистский "Оркестр" отомстят!" И вот — я с семьей 8-й год живу в "логове неонацизма", но никто нам тут не угрожает, кроме Азбелей... Я не забываю. Если Вас, д-р Азбель, начальство прогонит за халтурные статьи, за слишком грубую демагогию, то не унывайте, приезжайте к нам, не пожалейте. Здесь нет расизма, антисемитизма, нет ненависти к россиянам. Если хотите — тут есть и богатые еврейские общины, прекрасные синагоги, — молитесь, — и Господь простит Вас... Не думайте, что я "пресмыкаюсь" перед немцами, нет, я тут говорю и пишу все, что думаю, порой даже очень резко ("В Баденайлер — с того света", "Последнее слово").

Д-р Э. Бройде-Трэппер

Книги на складе

ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАША СТРАНА"

Народная Монархия. И. Солоневича	10 долларов
Диктатура импотентов. И. Солоневича (библиографическая редкость — ограниченное число экземпляров)	25 "
Диктатура слов. И. Солоневича	5 "
Роман во дворце труда. И. Солоневича	5 "
Собрание сочинений. Том 1. Б. Башилова	5 "
Унтерменши, морлоки или русские. Б. Башилова	5 "
Студенты первой пятилетки. В. Богдан	5 "
Из блокнота советской журналистики. Л. Норд	5 "
Всюду жизнь. Н. Кусакова	5 "
Император Николай Первый. Проф. Зызыкина	5 "
Тайный мировой заговор. С. А. Нилуса	5 "
За что—о—о? А. Масленникова	7 "
Чеховские университеты. Д. А. Антонова	5 "

Заказы посылать по адресу "Нашей Станы". В ценах включены почтовые расходы по пересылке простой почтой. Для покупателей в Аргентине, 50 % скидки, при переводе на местную валюту по официальному курсу действительно в день уплаты.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выдают меньше редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 м. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - А.0,40. В остальных странах — 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку — стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917 Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980